

Дмитрий Дубинин

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Андрей Маскаев

Дмитрий Дубинин

Под чужим именем

2012

Дубинин Д.

Под чужим именем / Д. Дубинин — 2012 — (Андрей Маскаев)

Вторая книга об Андрее Маскаеве. Теперь он работает инженером по снабжению и отправляется в командировку на Кавказ. Там он оказывается в гуще событий: вооруженный конфликт, государственный переворот, катастрофа на химическом комбинате... Пытаясь спастись, Андрей случайно прихватывает не принадлежащие ему вещи и выдает себя совсем за другого человека, пособника преступников. Когда выясняется правда, Маскаев надеется скрыться, но теряет осторожность, и попадает в плен к бандитам. По странному, на первый взгляд, стечению обстоятельств бандиты отпускают Маскаева, но за ним неотступно следует убийца...

Содержание

1. Похмелье	5
2. Среди мертвых	9
3. Странные отшельники	13
4. Следы переворота	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Дубинин

Под чужим именем

1. Похмелье

Пробуждение было кошмарным. Правильнее было бы сказать, что я пришел в себя, нежели просто проснулся после такого... Голова казалась налитой жуткой болью; эта боль, словно тяжелое пульсирующее ядро, перекачивалось внутри моей головы, поддавая то в виски, то в затылок. Сердце колотилось где-то в дыхательном горле, а языком, распухшим, шершавым, невозможно было пошевелить.

Потребовалось несколько минут, чтобы мозги мои отвлеклись от механического восприятия болевых импульсов и начали хоть немного соображать... Они долго не могли взять в толк, где я нахожусь, и лишь когда мне с трудом удалось подняться с кафельного пола, я догадался, что провел ночь в туалете. Такого позорного факта, насколько я мог припомнить, со мной не происходило по меньшей мере курса со второго.

«Надо ж было так нажраться», – шевельнулось где-то внутри болевого ядра. Я схватился обеими руками за края раковины умывальника (все вокруг так и плыло перед глазами) и, открыв кран, жадно припал к тонкой струйке холодной воды...

Нет, сто раз права Татьяна, когда сердится по поводу моих командировок! Уже несколько лет, как я совершенно не пью дома, но стоит только вырваться за пределы женского контроля, как старые привычки берут свое... А может быть, это элементарный алкоголизм, который я в себе усиленно культивировал в течение пяти лет учебы в институте, двух – службы в армии и еще трех с половиной – неудачного брака?..

И вот теперь, в очередной командировке, оттянулся... На полную катушку, что называется. Дорвался, как Мартын до мыла... Вечно я выбираю себе работу, отягощенную различными излишествами и приключениями... Сколько же сейчас времени?... Ничего себе – десятый час! Странно, неужели на меня до сих пор никто не наткнулся? Вымерли они тут все, что ли?..

* * *

– Вы покупаете медь? – В трубке телефона послышался голос, явно принадлежавший какому-нибудь посреднику-одиночке.

– Не покупаем, – ответил я. – Не занимаемся коммерцией. Уже давно.

– Не занимаетесь? – В голосе я уловил легкую иронию. – Ну, ладно... – Трубку на том конце бросили.

Вернувшись в комнату, я убедился в том, что Танька проснулась.

– Кто это тебе по ночам опять звонит? – поинтересовалась она. С легкой тревогой в голосе, к тому же.

– Брокеры, – небрежно ответил я. – Никак забыть не могут.

– Надеюсь, ты действительно прекратил этим заниматься?

– Прекратил, Танюша, успокойся.

Танька, вроде бы, успокоилась. А мне что-то захотелось срочно курнуть, и я потопал на кухню.

Достав пачку «Кэмела» и закулив, я вспомнил, что завтра опять тащиться на работу, и вновь задумался о том, правильно ли я сделал, что бросил заниматься посредничеством.

Пару лет назад я чудом выпутался из очень неприятной истории, связанной с моей прежней деятельностью в речном порту. После этого я сменил невероятное количество рабочих

мест, затем скатился до курения сигарет типа «Луч», а поскольку жить надо было, пристроился в одно акционерное общество, промышлявшее перепродажей цветных металлов. Буквально через год общество это с треском лопнуло, шеф таинственно исчез, а коллектив разбежался кто куда. У меня остался длинный список продавцов и покупателей, а также телефон, который я установил в нашей квартире с непосредственной помощью шефа.

И всю минувшую зиму я занимался торговлей. Торговлей воздухом. Кое-что на этом я, конечно, заработал, но скоро со мной начали регулярно беседовать крепкие ребята в меховых кепках, да и домой стали наведываться то уголовного вида личности, то сотрудники милиции. Танька взбунтовалась, а если учесть, что к началу весны она стала зарабатывать в своей конторе больше меня, то в конце концов пришлось завязать с этим диким брокерством и снова заняться мирной звукозаписью на дому. Кроме того, я прочно зацепился в отделе снабжения одного из крупных заводов. Жизнь снова стабилизировалась, и я даже начал подумывать, что пора узаконить наши с Танькой отношения.

Однако, за два месяца моей работы снабженцем я уже четыре раза ездил в командировки; но едва Танька начинала ворчать по этому поводу, как я вслух прикидывал насчет того, чтобы поставить телефон поближе к кровати, дабы проще было выслушивать ночные коммерческие предложения. Танюха как будто успокаивалась, но потом долго еще дулась...

Я докурил и вернулся в комнату. Таня уже спала. Когда я залез под одеяло, она не проснулась, а отвернулась к стене и принялась всхрапывать... У Таньки в последнее время появилось много новых, не радующих меня, привычек, например, спать в длинных ночнушках и храпеть при этом. Наверное, еще и поэтому я пока не заикался о совместной прогулке до ближайшего ЗАГСа.

* * *

Я еще раз умылся и напился воды, которая стала течь совсем тонкой струйкой. Боже мой! Теперь вот – очередная командировка в это проклятое место! Мне здесь даже кошмары начали особенные сниться, вроде озверевшего абрека с окровавленным кинжалом. Как я не хотел ехать в этот чертов Ченгир, но начальника разве убедишь?! Подробности разговора с ним я запомнил очень хорошо.

Едва я заявился на свое рабочее место наутро после памятной беседы с Танькой, последовавшей за ночным телефонным звонком, как меня вызвал шеф и с ходу спросил:

- Андрей, ты в курсе, что Волгоград прекратил отгрузку едкого натра?
- А в чем дело? – спросил я.
- Читай.

Борис Иванович подал мне телеграмму. Так и есть. Снова эта песня о несвоевременной оплате, о невозврате тары и прочем...

- Кто еще у нас едкий натр производит? – спросил начальник.
- Я достал свой справочник.
- Стерлитамак.
- А, это Башкирия... – протянул Борис Иванович.
- Все равно, Россия.
- Я знаю. Просто мы с ними плохо живем... Я имею в виду ихний завод... Кто еще?
- Березники, Пермская область.
- С ними я уже говорил. Бесполезно.
- Остается Ченгир. Но это уже не Россия.
- Ну да. У них там, на Кавказе, свой президент.
- Кавказ? Я думал, Средняя Азия.
- Как раз где-то там граница между ними. Хороший край.

– Да, ничего, – машинально согласился я.

– Сейчас там тепло. Фрукты. Солнце... – мечтательно продолжал шеф.

Я отчаянно делал вид, что не понимаю намеков. Ехать в Ченгир? Боже упаси, сохрани и помилуй.

– Съезди, Андрей. – Шеф бросил намеки и заговорил напрямик. – Съезди туда. А то загнемся мы тут без едкого натра.

– Но нам нужен реактивный, – не сдавался я. – «Ч. д. а.», «х. ч.»¹ хотя бы. А там делают технический, и называется он не едкий натр, а гранкаустик.

– Сойдет. Заключишь договор – премию выпишем.

– Знаю я эти премии... А то, что там постреливают, вы слышали? Всякие перевороты, рельсовая война? Поезда-то толком не ходят.

– Полетишь самолетом, – таков был очередной аргумент.

Долго мы еще препирались, но в конце концов я сдался. Кому еще было ехать? На группе химии был один только мужчина – я. И как раз через меня шли реактивы – вещества разъедающие, отравляющие, высокотоксичные и прочая гадость. Сам шеф, естественно, туда и не смог бы поехать, если даже бы и захотел – его и так зам директора по коммерции гонял как сидорову козу, но с завода не отпускал. Приходил наш начальник снабжения к себе домой часов в восемь, а то и в девять. Год назад от него ушла вторая жена. Снабжать завод было все труднее – проклятая конверсия давала о себе знать... В общем, я согласился. И видит Бог – зря.

* * *

Дома на мою голову обрушился штормовой ветер.

– Меня уже достали твои командировки, – высказывала Танька. – Не знаю, чем ты там занимаешься, но я тут сижу целыми днями одна как дура, и места себе не нахожу.

Крыть нечем. Никаких троюродных штурманов у Таньки давно уже не было, был только я и при этом давно.

– И записи твои крутить-вертеть... Когда я этим должна заниматься, по-твоему?

Отвечать мне не хотелось. Я уселся в кресло, закурил, чего делать в комнате не допускалось, и прикрыл глаза.

Танька разошлась не на шутку. Слушать ее было не очень приятно. Я сидел и размышлял, как бы это прекратить.

Оставалось, похоже, одно средство – ни разу мной не применявшееся по причине крайней его радикальности, но, хотелось думать, безотказное.

– Танюха, – сказал я, выждав паузу в ее монологе, – выходи за меня замуж.

Эффект, надо признать, превзошел все ожидания. Словесная буря прекратилась в ту же секунду.

– Что? Что ты сказал?

– Выходи, говорю, за меня замуж. Распишемся и все такое прочее. Хватит дурака валять...

Не успел я придумать конец фразы, а Танька сидела уже на моих коленях и нежно меня обнимала.

– Ты это серьезно? – спросила она, глядя на меня своими большими глазами, в которых, казалось, не может быть места гневу и сварливости.

– Конечно, серьезно, – ответил я, надеясь, что поступаю правильно. А что, живем-то вместе уже не первый год, сколько соли вместе съели... Да и как женщина она куда лучше Вальки,

¹ «Ч. д. а.», «х. ч.» – «чистый для анализа», «химически чистый» – квалификации чистоты химических реактивов

первой моей супруги, этой прокурорской папенькиной дочки... – Вот вернусь из командировки и тогда...

Короче говоря, этой ночью Танька спала без всяких рубашек и даже не храпела.

* * *

Но то было той ночью, дома. А сегодня пришлось ночевать черт знает где... Я вышел в коридор, сделал несколько шагов, придерживаясь за стенки, и почувствовал, что ступаю по чему-то липкому.

Я взглянул под ноги. Нечто черно-красное. Кровь? Краска?

Можно было еще долго гадать, куда я вляпался, но одно обстоятельство в момент прекратило все сомнения.

В полутора шагах от меня лежала женщина. Голая. И совсем мертвая. Тут сомнений тоже быть не могло – если вам вспорют живот, вы вряд ли надолго задержитесь на этом свете.

Я попятился. Споткнулся, упал. Потом вскочил и побежал, чувствуя дурноту и ужас. Снова упал. В голове мелькнуло – может, я допился до белой горячки? А ну как она сейчас встанет и погонится за мной?

Дурацкая мысль. Никто за мной не бежал, не гнался. Все оказалось куда хуже и страшнее.

2. Среди мертвых

Ченгир не понравился мне с первого же взгляда. Достаточно было сойти с самолета, чтобы убедиться, что здесь происходит нечто весьма странное и к тому же не очень приятное. Аэропорт бурлил. Он шумел как растревоженный улей; в здании аэровокзала слышалась громкая разноязыкая речь, то и дело раздавались пронзительные вопли детей и женский плач. У всех мужчин, независимо от национальности, были хмурые, напряженные лица. Многие суетились, перетаскивая огромные сумки, узлы и чемоданы из одного угла в другой, размахивали билетами и яростно ругались как минимум на трех языках. В кассах же билетов не было. Я про себя порадовался тому обстоятельству, что билет на обратный рейс лежал у меня в кармане. Однако на световом табло против каждого рейса светилось слово «отложен»... Я обратил внимание, что ни один самолет не собирался взлетать, и если бы тогда знал, что в аэропорту горячего осталось лишь на сутки, то наверняка бы здорово встревожился.

Я продрался сквозь толпу свирепого вида мужчин кавказской внешности на привокзальную площадь и начал искать остановку автобуса.

Площадь перед аэропортом тоже бурлила. Впрочем, людской поток в основном устремлялся в сторону аэропорта – многие частные машины и такси уходили обратно в город без пассажиров. Вот тут-то я и почувствовал себя совсем неуютно. Пожалуй, улететь обратно будет трудновато...

Подкатил битком набитый автобус – не знаю, как его держали амортизаторы. Открылась дверь, и на площадь начали вываливаться пассажиры – мне показалось, что их было больше сотни.

В этот автобус я вскоре и сел, выбрав место рядом с водителем – мне страшно хотелось задать ему несколько вопросов. Подождав, когда наберется с десятков пассажиров, водитель – пожилой кавказец – запустил двигатель и повел автобус в город.

К сожалению, шофер оказался неразговорчивым. На мои вопросы насчет того, что же, черт возьми, происходит в Ченгире, он отвечал только «сам увидишь», а узнав, что я из Сибири, посоветовал поскорее возвращаться обратно. Сказал он это, правда, без всякой угрозы, но тревога моя усилилась. Я уже ожидал увидеть черт-те знает чего.

Автобус остановился где-то около центра, и едва я успел сойти, как к машине ринулась толпа – замешкавшиеся пассажиры насилу сумели выйти. Ругань и крики казались почти осязаемыми. Полюбовавшись на эту картину, я спросил у прохожего, как добраться до химического завода.

– Иди на автовокзал... – Он объяснил, как туда добраться. – Садись на сто второй автобус, спросишь там, где выйти. Этот крематорий все знают...

Город в общем казался спокойным. Типичный южный город, где треть населения – кавказцы, треть – среднеазиаты, а еще треть – русские и все остальные. Куда ни глянь, – везде на горизонте синевато-серые горы, которых не застили самые высокие здания (а были здесь и двенадцатизэтажные). Что касается улиц, то не было видно ни беглецов, ни догоняющих. Единственное, что навевало соответствующие мысли, – это группы солдат, то и дело попадавшиеся мне навстречу. Солдаты были упакованы в пятнистую форму, довольно странную, почти бутафорскую. Но автоматы за их спинами выглядели самыми настоящими.

Я дождался автобуса и поехал к месту моего назначения. Ехать пришлось около часа, а пейзаж за окном, будучи все же не очень для меня обычным, скоро потерял свою новизну, и я задремал, тем более, что дорога нигде не пролегала по краям живописных пропастей. Проснулся я от толчка в бок:

– Э, у, ч-щеловек! Виходи, хымзавод! Ты ведь спрашивал?

Точно. Я покинул автобус и огляделся. Завод скорее походил на гигантский комбинат. Управление находилось тут же, из-за него, как водится, торчали высокие цеховые трубы. Из труб валил белесо-желтый дым. Н-да. Запашок. На Татьянке-Южной, что в Заканалье под Волгоградом, тоже воняет будь здоров, но здесь точно крематорий.

Подумав о том, что заводская гостиница где-то поблизости, я посочувствовал своему здоровью и решительно направился в сторону управления с надеждой решить все вопросы именно сегодня, чтобы до предела сократить свое пребывание по соседству с этим зловонным монстром. Но сегодня мне не повезло.

Получилось то, чего я и опасался. На заводе уже заканчивался рабочий день, в отделе сбыта со мной разговаривать особо не стали и посоветовали обратиться к их начальнику завтра поутру. Я взял направление в гостиницу, которая, к моему ужасу, оказалась непосредственно на заводской территории, и покинул управленческий корпус.

Этот караван-сарай для командированных оправдал мои худшие опасения. Сумрачный коридор, обшарпанные двери, облупившиеся стены и потолки, застиранное постельное белье... И вонь. Стоило проживание здесь до смешного дешево, но я предпочел бы такую гостиницу, какую отгрохал волгоградский «Каустик», где мне пришлось как-то раз останавливаться. Чистенькие одноместные номера, все с холодильниками и телевизорами. Правда, командированных там всегда было мало, и основную массу номеров занимали коммерсанты из Армении, рассчитывавшиеся почти исключительно долларами.

В город ехать сосем не хотелось, несмотря на то, что в этой общаге (гостиницей сей притон я назвать никак не мог), кроме меня, не было вообще никого. Я достал толстую книгу, которую предусмотрительно захватил из дома, и принялся читать, пока меня не сморил сон.

Зато завтра я сделал все свои дела: заключил полный договор на поставку каустика в течение года, выписал счет на предоплату за первую партию упомянутого химиката вне договора, побывал на складе, где чуть ли не попробовал гранулированную щелочь на вкус. Словом, выполнил задание на все сто и был уверен в том, что шеф останется довольным.

Пора было думать и о дороге домой. Мой самолет улетал завтра днем, но я считал, что лучше провести ночь в аэропорту, чем еще Бог знает сколько часов дышать тут этой гадостью. Я собрал вещи – а их было совсем немного – и отправился на остановку автобуса.

Автобус подошел к остановке в тот момент, когда я уже покинул завод и шел к дороге. До автобуса было метров двадцать, а у меня, как я уже, кажется, говорил, из вещей была только средних размеров сумка. Мне бы припустить бегом, но я почему-то замешкался, а когда наконец решил бежать, автобус закрыл двери и не спеша тронулся. Еще не подозревая о том, какую совершаю глупость, я решил уехать позже на одном из тех служебных, которые развозили рабочих завода по домам, и поплелся обратно в гостиницу.

Объяснив, в чем дело, я вернулся в свой номер и обнаружил там еще одного командированного – снабженца из солнечного Ташкента.

Националистические настроения мне совершенно чужды – я все же родом из Казани, да и сам немного смахиваю на татарина, особенно если не брит дня три. Моя фамилия – Маскаев – тоже ни о чем конкретно не говорит, и даже в армии, где очень сильны земляческие и национальные чувства, я, в общем-то, почти со всеми сослуживцами поддерживал ровные отношения.

Так что ничего удивительного, что мы быстро познакомились и разговорились с Рифатом – так звали моего коллегу. И ничего удивительного, что на столе скоро оказалась бутылка «Пшеничной» с нехитрой закуской.

Вторую я купил у одного из шоферов, а за третьей Рифат ходил долго – рабочий день уже кончился, все служебные автобусы ушли в город, так что третья нашлась только у кого-то из вахтеров.

Я очень плохо помнил, как мы ее пили – Рифат тоже был не дурак выпить, но он оказался покрепче, даром, что жил в мусульманской республике... А сейчас Рифат был мертв. Ночью в номере какие-то мерзавцы отсекли ему голову, причем со страшной силой – кровь была даже на потолке. Головы в пределах видимости не наблюдалось, но искать ее, видит Бог, мне не хотелось.

Будь я трезв, впал бы в шок или обморок, несмотря на свою, в общем-то, нормальную нервную устойчивость. Насмотрелся я в жизни всякого, но *такого* – еще не доводилось.

Бедный Рифат! Впрочем, я вполне мог разделить его участь, если бы не вырубился в туалете, где меня, наверное, приняли за покойника. Похоже, тот абрек, что привиделся мне ночью, не был сном, и я остался в живых буквально чудом.

...Лихорадочно собираю вещи; не глядя сваливаю их в сумку и распахиваю по карманам. В зубах уже дымится сигарета – когда это я закурить успел?.. Выпиваю из горлышка остатки водки и выметаюсь из этой страшной комнаты и этого страшного коридора.

На первом этаже, похоже, тоже резали. Кровищи – море, но трупов не видно. И это к лучшему – меньше всего я расположен сейчас разглядывать новых покойников.

Заводской двор пуст. Совершенно. На моих часах – около десяти, день будний, но, тем не менее, никого. Вообще. Впрочем, вон кто-то стоит... Нет, к сожалению, висит...

Бегу в управление. Там тоже тишина, все двери заперты. Здесь ночью никого не резали, потому что некого было. Разве что ночного вахтера. Вон чьи-то ноги из-за угла торчат. Не иначе его.

Так, отсюда надо сматываться. И очень-очень быстро. Если те, кто ночью свирепствовал на заводе, вернуться, мне несдобровать. Но как, черт возьми, удрать отсюда?

На стоянке перед заводом – пусто. Ни одной машины, ни одного автобуса. Дорога пустынна... Хотя не совсем. Неподалеку дымится какая-то бесформенная груда. Возможно, она когда-то была автобусом.

Дела... А что же, интересно, в городе-то сейчас творится?.. Выбрасываю этот вопрос из головы, чтобы не мешал соображать, и бегу в сторону заводского гаража. Шофер, правда, я тот еще, но сейчас угнать отсюда машину – никаких проблем... Вот черт, конечно, никаких. А я-то думал, откуда так несет гарью?

Ночью мерзавцы сожгли гараж и склад ГСМ. Вокруг еще все горело и тлело, и я с опаской посмотрел на стоящие неподалеку большие серебристые емкости. Газ? Кислота? Черт возьми, если меня не прикончили бандиты, то вполне можно взлететь на воздух вместе с этим агонизирующим заводом.

Бегу к задним воротам. Может, там повезет?.. Перебираюсь, через рельсы, спотыкаюсь, падаю. Черт, не туда забрался. Склады. Ага, склады готовой продукции. Значит, надо направо и вдоль них.

Пробегаю мимо первого склада, пересекаю железнодорожные пути и вижу на них что-то большое и синее. Маневровый тепловоз с вагонами. А на рампе склада лежит труп машиниста...

Добегаю до задних ворот. Черт, та же картина. Машин нет, живых людей – тоже. Вот это влип!

Сзади гремит взрыв. Не слишком громкий – скорее мощный хлопок. Видимо, разорвало емкость с чем-то негорючим. Это еще не так страшно... Но скоро ветер доносит до меня страшную вонь, а на языке и в горле появляется вкус хозяйственного мыла. Так, если я проторчу тут еще с полчаса, то начну выплевывать по частям свои легкие. Бегу обратно и опять спотыкаюсь. Чертовы рельсы!

Рельсы! Вот ведь болван! Здесь же тепловоз!

Бегу вдоль складов. Вижу вагон, стоящий отдельно. Дальше, кажется, еще пять, прицеплены к тепловозу. Надо бы их быстренько отцепить...

Тут гремит посильнее, чем в первый раз. Через несколько секунд слышу, как по крышам складов забарабанили обломки. Влетаю в кабину тепловоза. Так, где тут что? А, вот!

Запускаю двигатель. Прогреть нет времени, я передвигаю рычаг в первую позицию. Тепловоз дергается и движется назад. Слышу лязг – в состав, кажется, попадает еще один, этот отдельно стоящий, вагон. Я чертыхаюсь, торможу и даю передний ход. Так, вот сейчас – как надо. Теперь быстренько вспомнить, как и что делается дальше...

Еще когда я трудился в порту, то корешил с одним машинистом маневрового локомотива, который постоянно работал у нас ни причалах. Кое-какие дела с ним я проворачивал, да и так просто... На, а в свободное время он учил меня управлять тепловозом. Как это пригодились сейчас!

Прибавляю скорость. Так, впереди ворота. Остановиться? Ни к чему! Тепловоз выносит обе створки к чертовой матери, я добавляю еще скорости и выхожу на мостик, подставляя физиономию освежающему ветру. Господи, неужели я удрал с завода?!

Проходит какое-то время, прежде чем перестает кружиться голова и я начинаю видеть перспективу. Кроме того, вижу, что впереди путь разветвляется, я возвращаюсь в кабину и останавливаю тепловоз. Так, а что теперь?

Нет проблем. Еду налево, в город, на станцию. Там от вокзала на автобусе – в аэропорт и уматываю домой. Самолет у меня улетает... Так, еще через целых пять часов. Успеваю.

Стоп. А что сейчас происходит в городе? Может быть, то же, что уже произошло на заводе? Резня и пальба?

Приемник! Я хватаю маленький транзистор, висящий на стенке, и включаю его.

«... все стратегические объекты Ченгира, перекрыто движение железнодорожного и автомобильного транспорта. Как нам только что сообщили, боевые машины ведут непрерывный обстрел Дома правительства и здания мэрии. В районе аэропорта идет ожесточенная перестрелка между боевиками оппозиционных группировок и правительственными войсками. В настоящее время между правительством республики и командованием Российской армии ведутся переговоры об оказании военной помощи. С другой стороны, главари сепаратистов заявляют, что не станут препятствовать свободному выводу российских войск с территории республики только в случае соблюдения российской стороной полного нейтралитета. Законно избранное правительство республики рекомендует жителям города...»

В приемнике засвистело и захрипело, но главное я уловил. В республике военный переворот, транспортное сообщение Ченгира с внешним миром прервано и, кажется, я застрял здесь неизвестно на сколько. В то же время чисто машинально я отметил, что горючего осталось меньше четверти бака, и выключил двигатель, работавший на холостом ходу.

3. Странные отшельники

Немного погодя я чуток успокоился и крепко задумался. На текущий момент я имел неопределенность положения без перспективы быстрого возвращения домой, кучу опасностей впереди и плохое знание истинного положения дел в Ченгире. Но как бы то ни было, а действовать нужно.

Я покопался в кабине локомотива, потом – в своих вещах, и мои мысли приняли другое направление. Теперь, как оказалось, у меня появилось еще кое-что...

Итак, кроме общих неприятностей, я имел еще тепловоз, временно оставшийся без хозяина, и шесть вагонов каустической соды, принадлежавших тоже неизвестно кому. Вернее, не шесть, а пять. Один из них, должно быть, имел определенного владельца.

Так вот, в панике и спешке я прихватил документы покойного Рифата Ульмасовича Мирзагуллуева. Паспорт, командировочное удостоверение и документы на груз. На целый вагон каустической соды, который, согласно документам, должен был отправиться в Ташкент, в адрес некоего СП «Навруз». Номер вагона, правда, здесь почему-то не был указан.

И еще. В объемистом бумажнике Рифата, очень похожем на мой, оказалось около двухсот тысяч рублей и грубо сделанная ксерокопия столларовой купюры. И, наконец, когда я раскрыл паспорт Рифата, с фотографии на меня взглянуло очень знакомое лицо. Почти что мое. Вернее, такое, какое бывает у меня с трехдневной щетиной и с глубочайшего похмелья.

Что я должен был сделать? Вернуться с риском для жизни на завод, где взрываются емкости с отравляющими веществами, и положить на обезглавленное тело Рифата его деньги и документы? А также отцепить вагоны с ценным грузом, чтобы он разложился на умирающем заводе?

Нет, я сделал то, что сделал бы в моем положении любой. Повторяю – любой. Я не стал возвращаться в опасное место, не стал отцеплять вагоны, и уж конечно, не стал избавляться от бумажника Рифата.

Зато я прикинул, что на разъезде номер двадцать пять, который, согласно указателю, находился по правой стороне, смогу заправиться, изучить пути для дальнейшего продвижения на северо-восток, а также напиться воды. И позвонить домой.

Взвесив все факты окружавшей меня реальности, я даже с удовлетворением потер руки. Я вновь окунался в привычную атмосферу коммерческих приключений с легким криминальным душком, но чувствовал, что на этот раз опасностей будет побольше, чем во всех моих предыдущих комбинациях, вместе взятых.

Я проехал по мосту, переброшенному через живописный каньон с ревущим внизу потоком, и минут через пятнадцать недалеко показали несколько стрелочных переводов и стоящие на путях составы. Я снизил скорость и начал внимательно наблюдать, удастся ли мне попасть на свободный путь. К счастью, стрелки были переведены именно так, что мне не пришлось останавливаться.

Я осторожно загнал свой состав с каустической содой между товарняком и пассажирским дизельным поездом с выбитыми стеклами, остановил локомотив и заглушил двигатель.

Собрав вещи в сумку, я сложил собственные документы в свой бумажник, Рифата – в его и спрятал их в разные укромные места моторного отделения. При этом из чужого бумажника выпал эрзац американской купюры. Мне стало жалко его выбрасывать, и я сунул бумажку в карман – будет сувенир на память о Ченгире. Затем я захлопнул дверь кабины и, спустившись вниз, прошел вдоль состава. Чего-то не хватает. Раз, два, три, четыре... пять! Странно, мне казалось, что вагонов было шесть. Как же так?.. Наверное, на заводе я ошибся – все-таки там мне было не до подсчетов!

Я еще раз оглянулся на поезд и пошел по направлению к небольшому зданию грязно-желтого цвета, находившемуся неподалеку от путей. От полуденной жары и всего пережитого из меня вышли весь хмель, все похмелье, и мне страшно хотелось пить.

* * *

Одноэтажное здание с надписью «Рзд. 25» пустовало. Двери были наглухо закрыты, а, может, и заколочены.

Следующее здание с тем же количеством этажей оказалось жилым домом. Я подошел ближе и обратил внимание на одно любопытное обстоятельство.

Позади дома стояла машина. Хорошая машина. «тойота– лэнд крузер». Она выглядела совершенно чужеродным телом; здесь гораздо лучше смотрелся бы привязанный к забору ишак. В крайнем случае, верблюд.

Пока я разглядывал это японское чудо элегантного темно-синего цвета, сзади что-то скрипнуло. В проеме двери, ведущей в дом, что был выкрашен лет пятнадцать тому назад в цвет грязного песка, стоял представительный седоватый мужчина лет сорок пяти. Он был одет в белую рубашку и светлые брюки, без всяких подтяжек плотно облежавшие его вместительный живот.

– Ты что здесь делаешь? – послышался голос.

– В некотором роде я заблудился, – довольно глупо ответил я. – Кроме того, мне нужно в город, а я не уверен, что иду туда правильно.

– В Ченгир? Там сейчас плохо. Черт-те что творится. Завтра, наверное, все кончится, а сегодня я тебе туда идти не советую.

– Воды у вас не найдется? Пить хочу страшно.

– Заходи.

Мужчина отступил на шаг, и я вошел в прохладу дома.

Внутренняя обстановка не очень подходила к стоящему у двери «лэнд крузеру» и манерам этого дяди, если, конечно, он был хозяином этого дома: слишком убогой она мне показалась.

На стоящей в углу тумбочке вешал большой старый приемник:

«... По имеющимся сведениям, бывший президент бежал в соседнюю республику, его вертолет в резиденции отсутствует. Войска повстанцев заняли все административные здания города, арестованы мэр и многие из окружения бывшего президента. Войсковые части российской армии не поддерживали президентскую клику и сохраняли полный нейтралитет, а в настоящее время ведутся переговоры о выводе всех российских войск. Представители их командования, тем не менее, видят необходимость задержаться в республике еще на некоторое время, чтобы не допустить, по их словам, «репрессий в отношении русскоязычного населения». Естественно, русские, так же как и другие народности, проживающие у нас, ни в коем случае не будут преследоваться по национальному признаку, разумеется, кроме тех лиц, кто активно поддерживал преступный режим президента и его марионеточного парламента...»

– Садись, – мужчина показал на облезлый стул, стоявший рядом с не менее облезлым столом. – Откуда идешь?

– С химзавода. Там такое ночью творилось...

– А что? – Мужчина насторожился.

– Вырезали всех, кто там был. Я валялся пьяный, и меня не тронули. Сейчас там все взрывается, никого нет, и...

– Так, так... – Мой собеседник нервно заходил по комнате. – Это плохо, очень плохо... А ты сам откуда? Как зовут?

– Я из Казани. Зовут меня Рифат... – зачем-то соврал я. – А вы?

– Зови меня Сергей Юрьевич... Ладно... Света! – вдруг крикнул он. – Воды принеси!

Скрипнула дверь, и в комнату вошла девушка с кувшином. Я, кажется, даже приоткрыл рот от удивления. Еще бы! Сперва в этой глухомани вижу роскошный джип, потом – respectableного дядю, а теперь вдруг входит голубоглазая красавица блондинка.

Девчонке на вид казалось чуть больше двадцати, роста она была немного выше среднего, и с такой мордашкой, что хоть сейчас на обложку журнала. А фигурка! И одета неплохо: никакого китайского дерьма, маечка итальянская, джинсики штатовские. Конфетка!

Тут я быстро подумал об этом Сергее Юрьевиче: явно не отец, на любовника тоже не очень-то похож. Так, уже интересно...

– Поставь на приемник, – обратился Сергей Юрьевич к этой Свете.

Девчонка, без особого интереса глядя на меня, поставила кувшин на передающее маршевую музыку радио, а я попытался сообщить ей взглядом некую информацию. Она чуть заметно улыбнулась, спокойно, почти равнодушно.

– ... Так, Рифат. А теперь рассказывай, как было на самом деле...

Сергей Юрьевич уселся в плетеное кресло, стоящее за столом напротив меня, и закурил длинную сигарету. Света выключила радио и села на стул рядом с тумбочкой.

Что-то не то. Похоже, врать не стоило. Какого же черта я наплел про Рифата и насчет Казани? Может, он знал этого беднягу?

Я рассказал все как есть, с поправкой на свое новое имя, на Казань, до того момента, как обнаружил чужие документы (об этом, разумеется, умолчал). Затем опять попросил воды.

– Погоди с водой... Что-то концы с концами у тебя не сходятся. Может, ты сам из тех, кто там орудовал? А? Оружие есть?

– Нету. Я...

– Руки на стол, и без резких движений. – Сергей Юрьевич наставил на меня «макарова». Откуда он его вытащил – пес его знает.

Сердце у меня ухнуло вниз. Н-да. Я ждал приключений, но не таких и не так скоро.

– Светлана, проверь на предмет. Сначала сумку.

Девчонка покопалась в моих вещах.

– Ничего, Сергей Юрьевич.

– Теперь его.

Света подошла и принялась шарить по мне руками. Казалось, что думала она не столько об обыске, сколько кое о чем другом, но меня в этот момент очень смущал смотревший на меня пистолет.

– Ладно, хватит тебе! – прикрикнул Сергей Юрьевич. – Понравилось... Документы есть?

Так. Документы на имя Рифата я оставил в тепловозе, так же как и на свое собственное. Но Света досконально обшарила карманы моих джинсов и извлекла на свет Божий ксерокопию стодолларовой.

Стоило Сергею Юрьевичу увидеть купюру, как он сразу же выхватил ее у Светы из рук и принялся внимательно рассматривать. Затем уставился на меня, и в его глазах я прочитал легкую злость и облегчение.

– Ты чего мне мозги пудрил? А? Где товар?

– Какой еще товар?

– Какой?!.. Ты ведь не из Казани. Ты из Ташкента, из этой артели экспедиторов по вызову, из «Навруза». Верно?

Что было делать? Я кивнул.

– Вот это лучше. Смотри.

Сергей Юрьевич достал свой бумажник, извлек из него настоящие сто долларов и положил на стол. Обе бумажки имели один и тот же номер, на что мне тут же было указано. Я

почесал в затылке. По-доброму, мне нужно было испытывать облегчение, но я почувствовал, что события закручиваются в такой узел, из которого очень непросто будет выбраться.

Стараясь протянуть время, я взял обе купюры – подлинную и фальшивую, повертел их в пальцах, потом, почти машинально, сунул ту и другую в карман...

– Итак, продолжил Сергей Юрьевич, – ты должен был доставить вагон в город, но видишь же, что там делается. Я, вообще-то, собирался встретиться с тобой завтра, но мне, как видишь, повезло. Все равно вагон пришлось бы гнать сюда...

Мои мозги отказывались соображать. Я страшно хотел пить, ничего не понимал и больше всего на свете мечтал о том, чтоб немедленно оказаться дома, в Сибири. Но коль скоро меня опять угораздило вляпаться в историю, в которую я мог бы и не попасть, если бы поменьше врал, пришлось принять эту игру.

– Значит, сода здесь? – спросил Сергей Юрьевич.

– Здесь, – сказал я. На путях разъезда.

– Надо загнать вагон в тупик, – произнес Сергей Юрьевич. – Обстоятельства изменились, в городе пока делать нечего... Ты ведь умеешь на тепловозе?

– Ну. Я ведь сам и пригнал его сюда.

– А машинист?... Ах да, конечно... Ну ладно. Света, дай парню воды, а то он намучился сегодня... И собирай на стол, у нас еще работа будет.

Эта Света то ли дала обет молчания, то ли боялась Сергея Юрьевича, но за весь день я так и не услышал ее голоса, за исключением двух-трех фраз, когда она отвечала своему шефу (а никем иным я теперь не мог его считать) на конкретно поставленные вопросы.

Я напился воды, закурил сигарету и, в ожидании обеда (Света чем-то гремела на кухне), включил радио в надежде услышать еще какие-нибудь новости. Новостей не было. Только музыка, самая разнообразная.

– Так, – сказал Сергей Юрьевич. – Завтра утром я поеду в город, там наверняка все успокоится. Можно было бы позвонить, но связи, к сожалению, нет. (Моя надежда поговорить с Таней испарилась.) Потом я привезу человека, мы проверим груз и попробуем переправить тебя в Ташкент. Здесь опасно, да и дело свое ты уже сделал...

После обеда Света ушла в кухню, а мы с Сергеем Юрьевичем отправились на пути разъезда. Стояла душливая жара. И это только-только начиналось лето – что же будет потом?

Мы подошли к составу.

– Который? – спросил Сергей Юрьевич.

– Этот. – Повинуясь необъяснимым логическим вывертам в моей голове, я показал пальцем на первый вагон с хвоста – тот, который прицепился случайно.

– Ясно. – Сергей Юрьевич с какой-то непонятной теплотой во взгляде осмотрел вагон снаружи, затем записал его номер. – Горючее-то есть?

– Маловато, – ответил я. – Кстати, тут на разъезде заправиться нечем?

– Откуда? Была одна цистерна, но еще третьего дня ее увели в город. Все. Кризис. Скоро капля солярки штуку будет стоить. Неудачно это все... Ну, давай, действуй.

Он ушел. А я забрался в кабину и запустил двигатель. Горючего, действительно, было мало, но я надеялся, что до города в случае чего хватит.

Работая за машиниста, составителя и стрелочника, я напряженно размышлял. Скорее всего, этот Сергей Юрьевич – невысокого ранга мафиози. Девчонка – вообще никто. А я – посыльный, прибывший из вполне легальной экспедиторской фирмы для получения вагона. Подставное лицо, шестерка... Интересно, на кой ляд этим деятелям целый вагон каустической соды? Или я чего-то недопонимаю?

Меня жгло любопытство. Я остановил тепловоз, заглушил двигатель и, вооружившись ломиком, пошел проверять вагоны.

Пломбы на двери еще не успели повесить, и даже закруток ни на одной не было. И хватило двадцати минут, чтобы убедиться: во все вагоны уложены одинаковые мешки в надписью «NaOH». Я закрыл последний вагон, вернулся в кабину и продолжил маневры.

Так, значит, завтра он уедет в город и вернется неизвестно с кем, кто будет принимать груз. Если, не дай Бог, окажется что-то не то, для меня это чревато. И если даже окажется то, для меня чревато само путешествие на «тойоте» в город. Вывод – как только он уедет, я тут же собираю манатки и рву когти. На этом же тепловозе. И с вагонами – может, тут принято рассчитываться за гостеприимство и проезд по дорогам химикатами? А может, удастся довести состав до более спокойных мест и там загнать все это дело?

У меня даже дух захватило от таких перспектив. Ладно. Посмотрим. Главное – не зарваться. Жадность, как известно, всех губит – и фраеров и прочих...

Да, и есть еще Света. Она может мне помешать. А может и помочь. Все зависит теперь только от того, как я себя поведу и как она отреагирует. А отреагировать она должна адекватно.

* * *

Но повела она себя совсем не так, как я ожидал. Вечером, после ужина в этой странной компании, Сергей Юрьевич перехватил мой взгляд, которым я проводил отправившуюся на кухню Свету, и прорычал негромко:

– Смотри, без глупостей...

Света продолжала играть в молчанку... Позже, когда мы сидели и слушали радио, передававшее достаточно противоречивые новости о положении дел в Ченгире, хозяин дома отправил Свету с очередным заданием:

– Постели парню в дальней комнате.

Света удалилась, я сделал было попытку подняться, но Сергей Юрьевич произнес только:

– Сиди.

И лишь когда она закончила все дела и он отпустил ее отдыхать, я также получил разрешение идти на боковую.

Я здорово устал и чувствовал, что надо поспать. Но у меня не было ни малейшего желания проснуться потом и побеседовать за жизнь с теми, кого Сергей Юрьевич привезет из города.

Что ж, я отправился в указанную комнату для ночлега. Здесь, кроме продавленного дивана и пары табуретов, не было вообще ничего, но выбирать не приходилось, тем более, что джип стоял прямо под окном. А если учесть, что сплю я в таких ситуациях очень чутко, отъезд Сергея Юрьевича я никак не должен пропустить...

Я открыл сумку, достал аптечку, в которой, кроме аспирина и бесалола, держал еще и швейные принадлежности. Потом снял джинсы, аккуратно распорол в одном месте шов на поясе и принялся за дело...

Когда я заканчивал работу, из-за двери в мою комнату донеслись тихий шорох и шепот:

– Рифат... Рифа-ат...

Я отложил свое шитье и подошел к двери. Открыл ее – так и есть, Света. Я был почти уверен, что она придет.

– Ну, заходи. Рад тебя видеть.

Девчонка проскользнула в комнату и уселась на табурет, подтянув колени повыше и обхватив их руками. Я сел на диван, решив сперва послушать ее. Она посмотрела на валяющиеся рядом мои штаны и заговорила:

– Рифат, слушай... – Выражения ее глаз я в полутьме не видел, но тон речи был достаточно серьезен. – Я хочу попросить тебя об одной вещи.

– Пожалуйста. – Я выразил голосом полное понимание и готовность помочь.

– Сергей спит. У него крепкий сон... Ну ладно... Рифат, помоги мне убежать отсюда.

Да... Этого я ожидал меньше всего.

– Убежать?

– Да, убежать. Я усекла, что ты можешь водить тепловоз, так давай утром, когда Сергей смотается, уедем на нем в город. Там на вокзал – и... Пусть нас ищут.

За последние пятнадцать часов мои мозги приняли и переработали столько неожиданной информации, что я уже начал бояться короткого замыкания в черепной коробке.

– Ты хочешь убежать? Почему?

– Ну, ты же все понимаешь? У вас в «Наврузе» ведь не говорят, на кого придется работать?.. Нет. Но ты ведь, наверное, понял, что такие деньги не просто так платят?

– Это козе понятно.

– Ну и вот. Мы с тобой оба вляпались, только я – немного раньше. Я не знаю, кто тут конкретно орудует – не в этом дело. А в том, что если ты хоть раз выполнишь их задание, то потом будешь вкалывать на них всю жизнь. Понял?

Я промолчал.

– Вот и я так же. Один раз сделала кое-что за не такие уж большие деньги да и застряла тут. Уже пять месяцев в этой дыре, здесь их перевалочная база... И я тут как дура, за прачку и кухарку... Спасибо, что Сергей еще защищает, не дает в обиду. Тут многие приезжали, кто сразу деньги предлагал, кто так пытался... Но если он отсюда насовсем исчезнет, что я тогда буду делать?..

Голос Светы слегка завибрировал.

– А ты сама откуда? – спросил я.

– Из Саратова... Я уже полгода дома не была.

– А как с этими связалась?

– Ну как, как... Вроде тебя. Попросили кое-что сообщить, кое-что передать, показали пятьсот баксов – и вот – я здесь.

Она замолчала. Я тоже не подавал голоса – нужно было срочно проанализировать ситуацию и принять решение. И не дай Бог ошибиться. Уж, казалось бы, ошибок в жизни наделал – любой дурак давно бы всему научился...

Хорошо. Удирать мне отсюда поутру все равно ведь придется. И, разумеется, на тепловозе. А удирать одному или же с этой симпатичной девчонкой – какая разница? Тем более что вдвоем веселее. Да и вообще...

Тут до моего сознания дошел еще и тот факт, что Вика сейчас выглядит, как... Ну, как любая красивая девчонка, имеющая длиннющие ноги классной формы и выставяющая их на ваше обозрение – перед тем, как зайти ко мне в комнату, она сняла свои джинсы.

Неплохо. Я сказал:

– Точно. Так мы и сделаем.

А потом – ну кто меня осудит за то, что произошло потом? Только законченный ханжа и лицемер, может быть, старая дева, да и то не всякая. Не надо забывать, что я не знал, скоро ли попаду домой, и даже краем сознания побаивался – попаду ли домой вообще?

В общем, провели мы вместе где-то с час, но большого удовольствия не получили – надо было соблюдать тишину, да и мозги у нас были заняты другими проблемами. У меня – точно.

4. Следы переворота

Спал я плохо – вздрагивал от малейшего шума. Мне не раз приходилось ночевать на железнодорожных разъездах, и спал я там гораздо лучше, чем здесь, несмотря на то, что за всю ночь мимо не прошло ни одного поезда. Просто я очень боялся проспять отъезд Сергея Юрьевича – вдруг его черт понесет в город среди ночи? Да, и если честно, перед глазами все еще стояли трупы, среди которых наиболее страшным было тело женщины с распоротым животом – не скоро я забуду такое зрелище!

... Под утро я услышал тяжелые шаги за дверью, которая затем открылась, и до меня донесся голос хозяина дома:

– Рифат? Спишь?

Я притворился спящим.

– Ну и хер с тобой, – пробормотал мужчина и удалился. Через несколько минут за окном раздался шум двигателя.

Все пока шло по плану. Джип уехал, я встал с дивана и подошел к окну. Машины видно не было, и я, одевшись, вышел в коридор, рассчитывая найти Свету и разбудить ее в случае чего, чтобы не терять время на сборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.